

Елена Колина

Елена Колина
Дневник новой русской
Серия «Дневник новой
русской», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=625365

Дневник новой русской. / Елена Колина: АСТ, Астрель, ВКТ; Москва;

2023

ISBN 978-5-00224-552-9

Аннотация

Посторонись! Новая русская на танке едет!

Не будем уточнять, что «танку» – выдавшему виды джипу – лет двести, у него отваливается водительская дверь, а ручка переключения передач примотана к сиденью изолентой. И вообще, это бывший муж забыл его у нашей «новой русской», когда валил за границу с новой избранницей. Да и сама «новая русская» вовсе не подходит под стереотип: работает психологом, за копейки читает лекции студентам и носится со своей безумной семейкой – мамой, дочкой-подростком, собакой и котом. А еще она очень любит:

1. Романа. Или уже не Романа?
2. В любой непонятной ситуации – составлять Списки.
3. Попадать в самые несусветные положения.

4. Моментально находить в них юмор и никогда не унывать!

Содержание

Сентябрь	6
1 сентября, понедельник	6
5 сентября, пятница	30
10 сентября, среда	36
18 сентября, четверг	44
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Елена Колина

Дневник новой русской

Иллюстрация: Юлия Стоцкая

© Елена Колина

© ООО «Вимбо»

Сентябрь

1 сентября, понедельник

У меня когда-то была толстенькая книжка в шершавом зеленом переплете – дневник девочки, которая весь школьный год записывала, как дружила и ссорилась с подружками, училась играть на скрипке и получала двойки. Я преподаю в университете, поэтому мой личный дневник каждый учебный год начинается первого сентября и заканчивается в мае, а лето уже за год не считается, лето – это отдельная маленькая жизнь.

Летом я разрабатываю планы своих новых действий, потом ужасно пугаюсь их и тогда использую спец. псих. прием.

Если мне предстоит так много дел, что:

1. Я дрожу от ужаса, потому что мне не успеть все сделать.
2. Я дрожу от ужаса, потому что мне не успеть ничего сделать.
3. Я мечтаю забраться под одеяло и там, под одеялом, сделать вид, что это не я, —
то я пишу Список!

Смысл составления Списка состоит в том, что, кроме то-

го, чтобы с закрытыми глазами поводить ручкой по листку бумаги, от меня абсолютно ничего не требуется. Мое подсознание все давно уже решило за меня и само поставит на первое место самое важное. Следовательно, все остальное можно сделать когда-нибудь потом или не делать вообще.

Например, в прошлом году я решила начать заниматься спортом (отнюдь не для того, чтобы добиться спортивных рекордов, а чтобы похудеть, и это был только один из многих-многих моих планов, потому что я не какая-нибудь дурочка, озабоченная только лишними килограммами, пагубными для моей внешности, а совсем напротив – кандидат психологических наук, мать Муры и еще некоторых зверей). Так вот, когда я написала отдельный Список для занятий спортом, то его пункты подсознательно распределились следующим образом:

1. Есть больше фруктов и овощей (диета по Брэггу).
2. Есть больше сметаны, копченой колбасы, мороженого и др. вкусного жирного (модная диета по Аткинсу).
3. Есть макароны отдельно от хлеба и картошки (мучное совершенно необходимо в нашем холодном мокром климате, где начиная с сентября уже невыносимо хочется пельменей).

Из данного Списка видно, что нужно есть больше фруктов, овощей, вкусного жирного (осталось только напомнить подсознанию, что оно забыло про шоколадные батончики), а чего можно вообще не делать (например, для пункта «зани-

маться спортом» подсознательно вообще не хватило места).

Со Списком можно произвести еще кое-какие манипуляции. У профессионального психолога вроде меня всегда имеются при себе другие глаза, которыми он может внимательно рассмотреть свой Список, и тогда ему становится совершенно ясно, что и первые пункты списка когда-нибудь рассосутся сами собой.

Допустим, мне не удалось похудеть, соблюдая строгую диету (см. Список), но это лишь означает, что подсознание знало, что мне и не нужно было худеть, потому что ему действительно известно: вся эта худоба – изобретение модельеров-гомосексуалистов. К тому же я (не подсознание, я) из литературы знаю, что у свиней бывает болезнь анорексия, когда они не хотят есть и худеют. И тощая свинка становится жутко нервной и подверженной любому стрессу.

Но этим летом я никаких Списков не составляла, потому что у меня роман – роман с Романом!

Сегодняшнее утро, первого сентября, началось как обычно – коротеньким бодрым скандалом с Муркой.

– Мура, а почему ты идешь в школу без портфеля? – поинтересовалась я. Поинтересовалась осторожно, потому что с подростками нужно обращаться очень тактично: а вдруг Мура подумает, что это покушение на ее личную жизнь.

Роман тоже сегодня провожает свою дочку в школу. (Нисколько не страдаю из-за того, что вчера он не пожелал мне

спокойной ночи. А сегодня доброго утра, впервые за два месяца и двадцать три дня.) Глупо расстраиваться, что он сейчас стоит с цветами на школьном дворе рядом с женой! Первое сентября – день семьи.

...Может быть, я не слышала звонка? Проверю мобильный... Никто не звонил. Мобильные телефоны – очень плохое изобретение, подрывающее психологическое здоровье нации. Раньше всегда можно было сидеть у подруги и быть совершенно уверенной, что тебе в это время обрывают телефон. А потом позвонить самой и небрежным голосом сказать, что, мол, мне передали, что ты звонил. Ах, это не ты... ну меня все равно не было дома...

Летом у всех каникулы, и у взрослых тоже, а первого сентября начинается настоящая жизнь. И одеваться нужно по-другому – вместо коротеньких брючек и детской футболки из «Манго» пришлось натянуть на себя бежевый костюм. В этом костюме я похожа на собственную бабушку. Откуда он у меня? Купила в состоянии глубокого умопомрачения по поводу осознания себя женщиной за тридцать? Единственное, что меня утешает, это новые ботинки с длинными пустыми носами, как у старика Хоттабыча. (Раньше считалась красивой маленькая ножка, а в этих супермодных ботинках мой 35-й размер смотрится как 43-й, и вроде бы это модно, а значит, красиво.) Странная мода, но что же делать, если мы с Мурой – две модные продвинутые девушки!

Мура уставилась на меня с неприятным прищуром.

– Ты в этих ботинках как молоденький панк.

Я довольно приосанилась.

– Или старенький рэппер. (Черт, противная Мурка! Ну ладно, я ей тоже покажу, будет знать, как называть меня стареньким рэппером.)

– Мура! Где твой портфель?!

– Лев Евгеньич ночью стырил из холодильника колбасу, – наябедничала Мура, – а Савва Игнатъич сейчас разделывает рыбу под твоей кроватью.

Все ясно, намекает, что по сравнению с животными она, Мура, ведет себя очень прилично.

Чтобы отвлечь мое материнское внимание от своей особы без портфеля, Мура специальным сердитым голосом закричала Льву Евгеньичу:

– Ворюга! Кто стырил колбасу, я тебя спрашиваю? Ты... ты... ты мне больше не собака!

Лев Евгеньевич в ответ протянул лапу, скромно и ненавязчиво. (Очень интеллигентно с его стороны не обращать внимания на крик собеседника – о какой, мол, колбасе идет речь, колбаса – это пустяки, дело житейское.)

– Мурка! Где портфель?!

– Вот. – И Мура показала на крошечную, с ладонь, сумочку, похожую на косметичку.

– А где же у тебя учебники или хотя бы тетради? Кто учится в десятом классе, ты или я?!

Мура вытащила из «косметички» крошечный блокнотик.

– Это – для всех предметов сразу?! Ты... – Я даже не знала, что сказать. – Ты...

– Тебе хотелось бы, чтобы я была отличницей? – подсказала Мура.

Облегченно киваю. Да, именно это я и собиралась сказать.

– Но тогда у меня будет морда чайником.

Недоуменно спросила:

– Почему чайником?

– У всех отличниц морда чайником, – убежденно ответила Мурка.

Я тщательно рассмотрела себя в зеркале в прихожей. Вроде бы не чайником, хотя я всегда-всюду отличница. Правда, зеркало старинное, говорят, что эти старинные зеркала очень приукрашивают... Только я собралась быстренько убить Мурку, как вспомнила, что лекция начинается не в десять, как я привыкла, а в девять. (Очень подло со стороны деканата первого сентября ставить мне лекцию с раннего утра, когда я и так грущу по поводу начала учебного года.)

Хлопнула дверь. Решила, убью Муру вечером.

...Где мои лекции? В ящике письменного стола нашла лифчик «Wunderbra», который потеряла навсегда в прошлом году. Лекций нет, примерила этот чудный лифчик, который мгновенно превращает маленькую грудь «В» в приличную «С» или даже пышную «D»!

А-а, вот они, мои лекции, с прошлого учебного года ждут

меня тихонечко в мешке с неглаженным бельем.

Зазвонил телефон. Мама. Голос озабоченный, как всегда с утра.

– Холодно, пятнадцать градусов и ветер. Обе наденьте колготки.

– Мы уже в колготках, и в рейтузах, и в валенках, вот только никак не могу найти свою ушанку. Пока, целую.

– Нет, не пока!.. Я сказала – надеть колготки!

Искала колготки и в суете чуть не забыла накормить Льва Евгеньича и Савву Игнатъича. Хорошо, что Савва Игнатъич не дает себе пропасть – деловито скребет когтями пол и мяукает так, как будто его не кормили целый год, а ведь только вчера завтракал. Так, в большую миску насыпать большие шарики, в маленькую – маленькие колечки. Черт, перепутала! Ладно, сами разберутся, кому что. Другие в худших условиях живут, и ничего.

На дверной ручке обнаружила записку: «Мамочка! Вообще нюх потеряла! Взяла мой крем! И еще говоришь, что это я его у тебя украла! А мне его папа специально привез! И кто спер мои духи? За человека меня уже никто не считает! Забрала все мои ушные палочки! Съела ты их, что ли? Ну ты даешь. Только успевай следить. Твоя верная дочь Мура».

На первом этаже столкнулась с Петюней. Господи, как же от него пахнет! Как будто это не Петюня, а бачок скисшего вина. Еще пихает меня своим помойным ведром! Так бы и

дала ему! Но все-таки решила – пусть живет! Каждый имеет право пахнуть как хочет.

Петюня неожиданно замер на пороге и крепко прихватил меня за локоть, обдав жутким запахом. Прилично ли будет помахать рукой перед носом? Боюсь, что нет.

– Ох, и ни х... себе... – выдохнул Петюня, обводя глазами двор. – Я, блин, две недели из дома не выходил... занят был... а тут, блин, ваще та-ако-ое...

И правда, за те две недели, что Петюня был занят, в нашем дворе словно из-под земли возникла европейская роскошь: двор замостили плиткой, подъезды украсили чугунными козырьками и решетками, а на месте помойного бака возвели фонтанчик. Только он не брызгается.

– Выселять нас будут, – убежденно пробормотал Петюня. – И тебя выселят. Бандюганы, видать, въехали. Новые русские. А помойка-то теперь где? Или прямо новым русским в фонтан сыпать?

Я махнула рукой в сторону соседнего двора, и Петюня заковылял туда со своим ведром. Приятно дышать свежим воздухом, а не Петюней.

Я издалека улыбнулась своей машине размером с небольшой автобус, радуясь, что Денис такой забывчивый! На вид его-мой «лендровер» – настоящий джип, не хуже, чем у людей. У него даже есть страшный металлический кенгурятник, похожий на оскаленные зубы вампира. На самом деле «лендроверу» лет двести, и он возродился к новой жизни в

руках русских умельцев-эмигрантов в «левом» гараже в Германии, а мне невероятно повезло, потому что:

- 1) Денис пригнал этого никудышного старикана в Питер,
- 2) пытался продать его сначала за девять тысяч долларов, постепенно сбавляя цену до трех, а потом вдруг обиделся и начал заново продавать за двенадцать,
- 3) вообще не смог продать старикана и года три назад временно забыл его у меня навсегда.

Теперь, когда Денис разбогател и заважничал, зубастый старикан ему без надобности, поэтому «лендровер» так и остался со мной. Он еще очень хорош собой, несмотря на то что у него отваливается водительская дверь, а ручка переключения передач примотана к моему сиденью изолентой. Но другие водители не знают, что это джип-муляж, и, уступая мне дорогу, обзывают меня новой русской на танке.

Моя машина упиралась носом в какой-то столбик с цепочкой. Вот люди, совсем без соображения. Ладно фонтанчик, а столбики-то им зачем? Только мешают мне машину ставить.

Кто это стучит в мое окно? Я совсем не могу отвлекаться, когда завожу старикана. У него склочный характер: захочет – поедет, не захочет – нет, мне с ним сначала надо пошептаться. Вот я и заискивала: «Сю-сю-сю, ты как сегодня, ничего?..»

И тут стук в окно, противный такой стук, одним скрюченным пальцем:

– Вы поставили машину на мое место!

Невысокий лысый человек в спортивных штанах и джинсовой рубашке, подпоясанный ремнем, на ремне висят кожаные футляры – сумочка, мобильный телефон и еще много всего. Вроде как португя. Может быть, он военный? В отставке. Неужели Петюня прав – началось? А мы премиленько жили в замусоленном дворике своей замусоленной компанией. Но ведь наш дом находится на Владимирском проспекте, считай, на Невском... Мы и так долго продержались без – как лучше сказать? Новых русских?

Не люблю я это выражение – «новые русские»... Что-то в нем есть обидное, как будто все остальные – никому не нужное старье. Я и студентам всегда говорю, что понятие «новый русский» возникло как позитивное, а не как негативное, и обозначало вовсе не анекдотического распальцованного персонажа, а новый для России тип человека, который много работает и мечтает о достойном настоящем и будущем для своей страны и собственных детей. А все эти анекдоты про гонки на «мерседесах» в малиновых пиджаках и золотых цепях появились уже потом, когда общество продемонстрировало свою категорическую неготовность к демократическим переменам... Ой, черт, опять стучит!

– Это мое место! – нервно прикрикнул на меня Лысый.

Я почти совсем не растерялась и сказала:

– Извините нас, пожалуйста, мы тут с ней всегда стоим... с машиной моей. Очень много лет, года два уж точно. А что?

– А я сюда вчера переехал. Летом квартиру купил, ремонт сделал. И двор заодно. – Лысый гордо повел рукой в сторону фонтанчика. – И теперь тут будет платная парковка.

– Сколько? – обреченно спросила я, надеясь, что рублей пятьсот в месяц (а вдруг семьсот?).

– Двести долларов в месяц. Вам можно сто.

– Почему это всем двести, а мне сто? – обиделась я.

– На машину вашу поглядел... сейчас будете выезжать, смотрите не рассыпьтесь!..

Обычно люди думают – ого-го, джип, значит, новая русская! А Лысый в португее сразу разобрался!

Между прочим, неприлично так презрительно оглядывать чужую, нашу с Денисом, собственность. Джипа-инвалида, что ли, не видел! И тут я наконец поняла, о чем, собственно говоря, идет речь. Сто долларов!! В месяц! За парковку!

У меня бывает заторможенная реакция на всякого рода неприятности. Обычное дело, если кто понимает – сознание отключается, чтобы не воспринимать то, что ему не нравится. Решила, сейчас постою за свои интересы! Всего-то и нужно: расслабиться, прокрутить в голове все варианты ответов, выбрать самый лучший, взвесить все последствия и в спокойной размеренной манере донести свои взгляды на стодолларовую парковку до собеседника.

– Ну ладно, до свидания, у меня лекция, – сказала я, быстро завелась и вырулила со двора.

Не поняла, почему все гудят? Оказалось, гудят мне, я просто немного не рассчитала и неизящно развернулась, мгновенно оказавшись центром клубка машин, никому сзади меня не проехать, впереди тоже, да и сбоку...

Из черной «Волги» выскочил водитель и заорал на меня нечеловеческим голосом. Почему он так нервничает с утра?

– Тебе на «Оке» надо ездить, а не на танке! – заорал он. – Направо рули, теперь налево...

Я сделала вид, что старательно кручу рулем в разные стороны. Пришлось ему сесть за руль – мой руль, не свой.

И тут из черной «Волги» вышла жена доброго водителя, на вид лет сорока и килограммов девяносто, недовольное лицо. Она не дрожала, не грызла ногти, не трясла руками и не подергивала левым глазом, но меня, с моим опытом, не обманешь: это стандартный случай – клиент с избыточным весом. Делится всего на два типа:

1. Толстушка, довольна собой.
2. Толстуха, недовольна собой.

Задача психолога (моя) и состоит в том, чтобы привести Толстуху в состояние Толстушки.

Решила, на добро нужно отвечать добром, и, пока ее муж выруливает меня из пробки, в ответ на его любезность я сейчас помогу ей (быстренько научу сохранять душевные силы, жить в согласии со своим весом etc.).

– Грустите ли вы иногда? – ласково спросила я и, не дав ей возможности ответить, сразу же задала следующий вопрос: –

Бывает ли у вас напряжение в области шеи? – Толстуха кивнула.

– Я психолог, – сказала я специальным голосом, каким объявляют: «Я врач». – У вас есть пять минут, рассказывайте.

Толстуха оглянулась и принялась рассказывать, не понижая голоса, поскольку нас никто не слышал, потому что вокруг все кричали, ругались и гудели.

– Пока мой муж, подполковник, находится на службе, я очень занята, читаю любовные романы, буквально проглатываю по одному роману в день...

Как интересно жить, столько можно встретить неожиданностей! Я уже приготовила несколько рекомендаций, как смириться с избыточным весом, но Толстуха оказалась совершенно новым, неизвестным мне типом клиента с избыточным весом, и волнует ее совсем-совсем другое!.. Начиталась любовных романов и требует от своего подполковника нежных чувств. Хочет от него всяких признаний, и чтобы он ей нежно дышал в ушко, и это после рабочего подполковничьего дня! Что же делать? Такую проблему, как у нее, не решить и до конца жизни, а уж тем более на проезжей части...

– Вы выпишете мне таблетки? – спросила подполковница.

– Таблетки?.. – И в этот момент добрый подполковник вежливо крикнул, чтобы я садилась за руль и убиралась отсюда, пока он меня не убил. – Пока не стоит, лучше так, съедайте перед приходом супруга шоколадный батончик, и

вы сможете нежничать за себя и за подполковника, сохраняя гармонию в супружеских отношениях... До свидания, всего вам хорошего!..

(Всем известно, что шоколад повышает количество эндорфина в мозгу, а эндорфин – это наркотик радости и нежности, так что ничего плохого я не сказала.)

– Сколько батончиков, два?! – закричала подполковница, высовываясь из окна машины. – Два или три?!

Лекция (первый курс, аудитория 226) началась пять минут назад, и я бежала по университетскому коридору, то есть очень хотела бежать, но пришлось продираться сквозь студентов, как в метро в час пик.

В нашем университете раньше был дворец Салтыковых, то есть, наоборот, наш университет находится в бывшем дворце. Эти дворцовые коридоры хороши для того, чтобы плести интриги, а для нескольких тысяч студентов и меня они как комариный носовой проход для слона. Зато у нас на балах бывал Николай, всегда забываю, какой именно, и Пушкин поссорился с Дантесом...

...Ф-фу, наконец-то! Аудитория 226, я в ней весь прошлый год читала.

– Здравствуйте, а вот и опять вы! – сказала девочка – круглые очочки с первой парты.

Студенты стучали ногами и кричали: «Ура! Психология!»

Даешь психологию!» Была приятно удивлена, раскланивалась во все стороны. Вот так – страна знает своих героев. Я еще с ними не знакома, а уже разнесся слух, как меня зовут и как здорово я читаю! Хо-хо!

– Ну, давайте начинать. Я вижу, вы уже знаете, что весь первый курс я буду читать у вас психологию, и даже знаете, как меня зовут...

– Мы второй курс... Вы у нас в прошлом году уже читали, – сказала девочка-отличница – круглые очочки. – Вы, наверное, аудиторию перепутали...

Удалилась из 226-й аудитории, сторбившись и неловко помахивая рукой, как осветитель, стгоряча выбежавший на сцену.

Вслед кричали:

– Не уходите от нас! Мы хотим психологию! Мы вас любим! – Приятно, когда тебя так встречают! То есть провожают. Как же я мучилась в прошлом году! Они шептались, шуршали бумажками, чавкали конфетами, звонили телефонами, и каждый еще немножко бубнил себе под нос. Но платное обучение – дело тонкое. Если выгонять всех, кто чавкает и шуршит, можно вообще без студентов остаться.

Наконец нашла нужную мне 302-ю аудиторию. Ух ты, как красиво! Голубой с золотом зал, вид на Неву. Здесь была чья то спальня, кажется, Долли – внучки Кутузова.

Я сказала все, что полагается сказать первому курсу, поздравила и вообще. Главное, не забыть договориться с ними

насчет мобильных телефонов, а то так и будут непрерывно трезвонить на разные голоса. (Сама-то я мобильный не включила. Еще чего! А вдруг Роман позвонит?)

Вот, пожалуйста – на всю аудиторию зазвучал чей-то «Гурецкий марш».

– Вы теперь студенты университета, взрослые люди. Как у любого взрослого человека, у вас бывают неотложные дела, по сравнению с которыми наши лекции... – (на секунду задумалась. Наши лекции что? – Чепуха собачья? Не-ет, наши лекции не фунт изюму!) наши лекции могут быть для вас не столь важны. Поэтому включайте виброзвонок, и если случится что-нибудь очень-очень срочное и вы почувствуете, что дрожите всем организмом, – пожалуйста, не привлекая к себе внимания, тихонечко выйдите из аудитории.

(В данный момент я сама мечтаю, не привлекая к себе внимания, тихонечко выйти из аудитории, – очень хочу в туалет. Не нужно было пить утром кофе, кофе всегда действует на меня как мочегонная таблетка.) Терпела, делая вид, что просто очень люблю безостановочно разгуливать по аудитории взад-вперед...

Минут через пять к нам в аудиторию ворвалась парочка – парень и девушка. Машут кому-то, кивают и улыбаются, как будто они припоздавшие долгожданные гости. А когда они наконец, вдоволь наулыбавшись, отправились на свои места, я заметила, что у парня – о господи! – голая попа! Сзади на джинсах огромные дыры, видны загорелые ноги, красные

труссы и немного белой попы. А на девушке нет юбки! Или такая маленькая, что мне ее не разглядеть. Во мне тут же проснулся строгий и завистливый к чужим длинным ногам преподаватель, и я произнесла:

– Люди общаются друг с другом не только при помощи слов, жестов, мимики, но и на языке одежды. Подумайте, что мы сообщаем о себе своей одеждой?

Аудитория оживилась. Кричат – что, что?! Решила не продолжать, стало жаль эту парочку дураков – сейчас обсмеют их всем потоком.

Лекция закончилась, и я уже мечтала покурить, но местные отличницы – круглые очки с первой парты волновались: а что же все-таки сообщает о себе девушка «без юбки»? Девчонки вроде хорошие, спрашивают не из вредности, а из интереса, хотят все знать.

– Если женщина чрезмерно подчеркивает одеждой свою сексуальность, значит, у нее проблемы в этой сфере или вообще комплекс неполноценности. Зачем привлекать всеобщее внимание к своей, например, попе? Ведь попа – это то, что есть у каждого человека.

Все-таки моя работа – лучшая в мире! Никто-никто не может зайти в аудиторию и сказать – вы НЕ ТАК читаете психологию. Или – вы не имеете права говорить студентам слово «попа». Или – а ну-ка отправьте факс и немедленно дайте кофе в кабинет, да побыстрее.

Роман пока не позвонил. Ничего, позвонит вечером. У нас было такое красивое лето, вовсе не июнь-июль-август... Лето – это маленькая жизнь, особенно в нашем климате.

Вечером поставила машину на свое обычное место. Что я скажу Лысому, что? Может быть, жалостно пробормотать:

– Знаете, я одинокая женщина с ребенком, и вся моя преподавательская зарплата – это сто пятьдесят долларов...

Или нет, лучше презрительно обдать его холодом:

– Я живу в этом доме всю жизнь и не собираюсь вступать с вами в отношения по поводу парковки...

Или даже лучше сразу поставить его на место:

– Этот двор вам не принадлежит, любезный...

...Заметила Лысого, но не успела убежать.

– О, привет, привет, как дела?.. – глупо улыбнулась, старательно помахивая рукой, как младенец, которого только что научили делать «до свидания», и сделала вид, что очень спешу. Потом ему все скажу.

...Роман не звонит, и это правильно, зачем ему отвлекаться в день семейного счастья и благополучия? Если бы я была замужем, я бы, наверное, осуждала всех, у кого, как у меня, роман с женатым Романом.

...Неужели бы осуждала? Всех, без разбору? А если у этих всех любовь?

Ровно в половине двенадцатого раздался звонок. Это Роман!

Оказалось, Женька. По ней можно часы проверять. У них в Германии программа «Время» идет на два часа позже, чем у нас, так Женька насмотрится новостей с Родины и ну названивать.

– У вас скоро вообще не будет никакой свободы слова. Я знаю, это все ваш Путин.

Женька его не любит и меня против него настраивает, а я люблю своего Гаранта Конституции. Мы учились с ним в одной школе. Он, конечно, старше, но все равно мы – однокашники, и он даже мне иногда снится. Думаю, это очень важно, когда президент нравится женщинам своей страны, – значит, все идет как надо. Не то что Брежнев. Он, кстати, тоже был неплох как дедушка, но дедушка – это что-то по определению позавчерашнее, не идущее с тобой в будущее.

Когда Путина выбирали первый раз, телеведущий предвыборной передачи спросил меня:

– А если бы вам надо было на четыре года уехать из страны, с кем бы вы оставили своих детей? – И зачитал несколько имеющихся у него вариантов ответа: – Путин, Явлинский, Зюганов.

Путина на передаче не было, Зюганов призывно выпятил живот, а Явлинский приосанился и заерзал – со мной, со мной!

Я тогда задумалась. Если оставить присматривать за Муркой Зюганова, то, конечно, она будет сыта, но вдруг по приезде меня встретит моя Мура с добрым большевистским прищуром в глазах? Да еще зубом начнет цыкать?

С Явлинским не оставлю! Он про Мурку вообще забудет. А с Путиным как раз будет хорошо – встретит меня моя Мура, чистенькая, присмотренная, в белых гольфиках, учится на одни пятерки и после уроков посещает кружок хорового пения. Загляденье! И на родительские собрания он к ней вовремя ходит. И я тогда выбрала – оставлю Муру с Путиным.

С Женькой мы быстро обсудили:

1. Мои новые ботинки с носами.
2. Мой роман с Романом (Женька считает, еще не все потеряно и он сегодня позвонит).
3. Наше с Женькой материальное положение. Оба наших положения не очень-то хороши: Женьку только что уволили с должности немецкого бухгалтера, и она получает пособие по безработице. Хорошо, что звонки из Германии такие дешевые и она может мне звонить без всякого учета ее материального положения, а о своем положении я планирую подумать потом.

Еще звонок! Это точно Роман! Бросилась на телефон, как Лев Евгеньич на звук высыпаемого в миску корма.

Нет ничего обиднее, чем броситься на звонок Романа, а звонок оказывается мамой, как будто, кроме мамы, я никому

не нужна. Мама интересовалась Муриными отметками. Какие отметки первого сентября, тем более у Муры?! Первые сведения о Муриных успехах поступят не раньше декабря – в декабре меня обычно вызывают в школу. Сказала маме, что Мурка получила пятерку по литературе и четверку по истории.

Может быть, Роман еще позвонит? Он же знает, что я допоздна не ложусь, читаю.

Звонила Алена, потом Ольга.

Решила, буду записывать из разговоров с девочками самое интересное, а то мне никакого дневника не хватит. Или лучше просто по очереди. Сегодня очередь Алены.

Из интересного – Алена сказала, что они закончили ремонт в новой квартире, приступают к мебелировке и очень скоро устроят новоселье, но это будет не обычная вечеринка, а **УЖАСНО ВАЖНОЕ СВЕТСКОЕ МЕРОПРИЯТИЕ**. Очень хочу на мероприятие, жаль, что оно будет не скоро – Алене с Никитой осталось обставить пять комнат и две кладовки.

Еще (из важного). Алена очень таинственным голосом сказала:

– Я должна посоветоваться с тобой как с психологом... – и замолчала.

При помощи спец. псих, приемов ее удалось расслабить и

разговорить.

Оказалось, дело в том, что Никита весь последний год обращает на Алёну очень мало внимания. То есть она только сейчас сообразила, что весь последний год, сначала-то ничего не замечала, – пока квартиру новую покупали, пока ремонт делали, теперь думают, как обставить, то, се, и она и не заметила, что сексуальная жизнь свелась от раза в неделю к... ну, в общем, она не помнит, когда в последний раз было...

– Когда? – строго спросила я (психолог, как врач, должен знать все).

Алёна увиливала и пыталась обвинить в отсутствии сексуальной жизни внешние обстоятельства, например пуделя, который спит у них в постели и рычит, когда Никита пытается до нее дотронуться, но это выглядело неубедительно – Никита ростом и толщиной больше шкафа, и я ни за что не поверю, что он опасается карликового пуделя размером с телефонную трубку.

Очень удачно оказала Алёне психологическую помощь со ссылками на специальную литературу.

Однажды я целую неделю страстно увлекалась иудаизмом и прочитала в научно-популярной книге, что в Талмуде сексуальная жизнь расписана строго. Женщина имеет законное право требовать, чтобы муж спал с ней каждый день. Если муж работает, то она твердо может рассчитывать на два раза в неделю. Но если ее муж погонщик ослов, то ему разреша-

ется спать с женой всего один раз в неделю, ну а уж если он погонщик верблюдов, тогда он имеет право спать с ней раз в месяц.

Я сказала Алене, что, очевидно, все дело в различии взглядов – Алена видит Никиту погонщиком ослов, в то время как сам Никита мыслит себя погонщиком верблюдов и даже хуже.

Роман не позвонил, улеглась в постель с книгами. Взяла у Мурки Донцову, а чтобы Мурка не видела, что я читаю, подложила под нее увесистый черный том «Постижение истории» Тойнби. Мурка войдет, а я – раз! – Донцову под одеяло, и лежу себе с «Постижением истории» как интеллигентный человек.

Но оказалось, что читать Донцову – все равно что вместо балета в Мариинке смотреть по телевизору «Ментов» и объедаться пористым шоколадом, а я все-таки потомственный питерский интеллигент, кандидат наук, проф. психолог.

Читала английский роман из серии «У камина», и мне казалось, что я:

1. Иностранная старушка в седых буклях из середины 60-х годов прошлого, между прочим, века.
2. Бывают старушки живенькие, а я довольно-таки вялая и небольшого ума, зато страшная зануда.

Нет, больше я серию «У камина» не покупаю. Мечтала поменять вялый старушонский роман на неполное собрание

сочинений Донцовой в трехстах томах.

Она милая женщина (видела ее по телевизору во всех передачах), и графоманит тоже мило. Сидишь себе вместе с ней в уютном мире, где никто не умничает, а варят сливовый компот и чинят ботинки, а еще ее можно читать во сне (можно ли сказать СПЯ?).

Позвонил, позвонил! В 12.35 ночи! Сказал так тихо, что я еле расслышала (дома жена и теща):

– Спокойной ночи, любимая!

А как теперь, когда лето закончилось, будут складываться наши с Романом отношения в сложных условиях жены и тещи? Что, если и мне достался погонщик верблюдов?

5 сентября, пятница

В два часа (сегодня две лекции – на первом курсе и на пятом) встречаемся с Романом под часами в университете! Идти нам некуда – утром у меня лекции, вечером дома Мура, а у него с утра до вечера – жена и теща. Ничего, погуляем в Летнем саду.

Гуляли с Романом в Летнем саду. Поцеловались под Нимфой, как два школьника, а когда я открыла глаза, то заметила двух моих студентов – очень внимательно меня рассматривали и смеялись, вышло неловко.

Быстренько посчитали с Романом: если я читаю на первом, втором и пятом курсах потокам по сто человек, плюс вечерники и заочники, – получается, что меня всегда подстерегает опасность случайно встретить в городе пятьсот – шестьсот человек, при которых я должна хорошо себя вести: не целоваться, не курить, не нарушать правил дорожного движения. Считаю, несправедливо. Что я, не человек, что ли?! Вообще уже жизни нет!

Уже собирались печально разойтись по машинам, но Роман вдруг предложил:

– Поедем гулять на залив.

С Романом всегда есть ощущение – что-то может случить-

ся, и он ужасно нравится мне своей неожиданностью!

Оставили мою машину у Летнего сада и поехали в Ольгино. Погода была совсем летняя, под ногами скрипел серый песок, хотелось присесть с совочком и формочками. С трудом нашли местечко и уселись среди фантиков, пакетов от чипсов и огрызков.

Роман рассказывал про работу. У него есть проект – пакет новых программ, которые он будет предлагать на разные каналы телевидения и на радио. Роман – продюсер, и на его визитке написано: «Продюсерский центр „Авангард”. Генеральный директор».

Я раньше никогда не видела живого продюсера, только в титрах голливудских фильмов, и влюбилась в него потому, что он из совершенно другого мира. Невзирая на то, что внешне он совсем не тот тип, который мне обычно нравится.

Я сама бывшего стандартного роста метр шестьдесят пять (теперь по сравнению со своими студентками оказалась просто Дюймовочкой) и очень худенькая, то есть все время забываю – раньше была очень худенькая. У меня почему-то особенно плохая память на мой вес, и в магазинах я сначала радостно кидаюсь к вешалке с 42-м размером, потом озадаченно перехожу к 44-му и только потом к 46-му, да еще производители одежды ужасно подло норовят меня обжулить и сшить 46-й размер таким маленьким, что приходится обращаться в 48-й, а это уже чревато психологической травмой.

Итак, поскольку я бывшая Дюймовочка, мне всегда нра-

вились мужчины начиная с метра восьмидесяти пяти, в крайнем случае восьмидесяти трех, и такие... с мощным разворотом плеч, крупными руками и подчеркнuto мужественными лицами. А Роман невысокий, узкоплечий, с тонким интеллигентным лицом и даже в очках. Зато продюсер. И самое главное (не для него, для меня), что Роман каждую неделю появляется на голубом экране!

Сейчас, конечно, не пятидесятые годы, и телевидение давно уже вошло в каждый дом, поэтому этот его телевизионный имидж подействовал на меня совсем не так, как на героиню фильма «Москва слезам не верит», когда она сразу же отдалась какому-то проходимцу с телевидения. Но я тоже раньше никогда не видела живого телеведущего в режиме реального времени! Роман ведет передачу «Музыка и не только», про музыку и не только.

Роман сказал, что ему со мной очень хорошо, потому что мы не просто спим вместе, а я живо интересуюсь его проблемами, а вот его жена безразлична к его проектам. Я очень мечтаю работать на телевидении и встречаться со всеми этими интересными людьми (уверена, что у них там тоже есть псих. проблемы и я бы им пригодилась), а жене Романа, наверное, неохота работать на телевидении, и в этом все дело.

– Давай снимем номер в мотеле! – говорит Роман.

О-о! В мотеле!.. Как в кино! Никогда еще не снимала номер на час в придорожном мотеле. Мне очень понравилось

это предложение!

Когда мы подошли к мотелю, я вдруг вспомнила, что не собиралась сегодня ТАК встречаться с Романом, а думала, мы просто погуляем, и все... Что же делать? Неужели теперь, когда у меня появилась потрясающая возможность впервые почувствовать себя проституткой из американского фильма, все рухнет только из-за того, что на мне белые хлопковые трусики?!

Трусики белые, лифчик не помню какой, может быть, черный, а может, и бежевый... А вот что касается моих ног, то эпиляцию я еще не сделала. И очень вероятно, что гольфы у меня чуть-чуть разные – один черный, а другой прозрачный. Точно сказать не могла, потому что на мне были брюки и ботинки с носами.

– Как ты думаешь, хозяйка мотеля думает, что мы гонимые всем миром любовники? Или что ты снял меня на час? – спросила я.

Роман сказал, что я себе льщу и уже вышла из того возраста, когда снимают на час...

В номере в шутку немножко подрались и помирились...

Как раз вчера вечером Алена спросила меня: «Тебе с этим твоим Романом хорошо?» (Она в последнее время слишком волнуется насчет секса.) Я сказала, хорошо. Но ведь все зависит от того, что такое хорошо и что такое плохо. Мне хорошо, когда меня любят и нежничают со мной.

И между прочим, я знаю от клиенток, которые специально приходят ко мне обсудить свою интимную жизнь, что слухи о женском оргазме сильно преувеличены. Очень многие начали испытывать что-то похожее на страсть только после тридцати, и даже тогда никто-никто не может быть уверен до конца, что это он и есть – тот самый хваленый оргазм. А одна знаменитая художница призналась в своих мемуарах (мемуары были написаны по-французски), что в ее в постели побывали чуть ли не все поэты Серебряного века, и что же?! Оказалось, что от поэтов не было никакого толку, и свой первый оргазм дама испытала в семьдесят шесть лет! Хорошо, что меня с детства учили иностранным языкам, а то бы мне никогда не пришлось в голову читать по-французски и я не узнала бы о таком интересном, вселяющем надежду факте.

Роман и не заметил, что трусики белые, а лифчик черный, только потом сказал, что ему больше нравятся цветные комплекты. Но я же не виновата! Попробовал бы Роман пожить с Мурой! Мурка страстно клептоманит все мое, особенно она вороватая на носки и колготки! Что мне остается, то и приходится носить... Но в мире есть вещи, которых я не могу понять, – зачем, к примеру, Муре мои трусики на два размера больше, чем ее? Если честно, на четыре.

Вечером решила, что сегодня был слишком тяжелый, эмоционально и сексуально насыщенный день, чтобы читать «Постижение истории», поэтому читала новую Маринину.

Удивилась, что она теперь пишет не детективы, а очень трогательно старается быть писателем. Только почему ее так страстно интересуют мельчайшие бытовые подробности – сколько раз героиня помешала борщ, куда замела мусор: в совок или на газетку? Несмотря на борщи и мусор, дочитала. Если человек так старается для нас, то мы со всей нашей благодарностью всегда готовы прочитать.

Провела псих. анализ автора по его тексту – решила, что писательница всю жизнь грезила о том, чтобы стать домохозяйкой, а не настоящим полковником. Хотя мне почему-то было интересно, сколько раз героиня помешала борщ и куда замела мусор: в совок или на газетку.

10 сентября, среда

Вернулась из университета в пять часов, мечтая о пельменях.

Только я прилегла на диван с пельменями (немного сметаны, уксус и соевый соус, вкусно), позвонила мама. Спросила:

1. Где Мура (не меньше пяти раз, а я давала разные ответы, на выбор).

2. Какие у Муры отметки (я сказала, пятерки и четверки, завтра для правдоподобия вверну какую-нибудь троечку).

3. Что у нас на ужин (мама хотела получить очень подробный ответ, и я подробно описала различные соусы к пельменям).

– Мам, ты узнала телефоны спортивных клубов? Помнишь, я тебя утром просила? – Я взяла инициативу на себя. Дело в том, что я собираюсь пойти на аэробiku, на шейпинг и на степ. Или на акваформинг. Еще есть каланетика. Все зависит от того, в каком из этих названий не требуется танцевать у всех на виду, а можно лежать в углу незаметным тюленем и оттуда заискивающе улыбаться инструктору.

– Я хоть раз забывала о твоей просьбе?

– О боже, конечно нет, не то что я!

У меня никогда нет под рукой ни ручки, ни бумаги, зато всюду валяются нитки, наперстки и ножницы, как будто я не

преподаватель, а швея-мотористка или наперсточник.

– Мам, сейчас. Поищу ручку в Муриной комнате.

В Муркину комнатуходишь, как будто падаешь в шкаф, потому что вся ее одежда лежит в Куче на полу. Мурка уверяет, что в Куче всегда строгий порядок. Она с кровати протягивает руку и не глядя вытягивает оттуда именно то, что ей нужно.

Где же ручка? Свой старый письменный стол Мурка собственноручно распилила (у ребенка золотые руки) и выволокла на помойку. Как она умудряется делать уроки, лежа на кровати? С другой стороны, какие у Муры уроки?.. На кровати ничего нет, только Муркина косметика, драная мочалка и яблочные огрызки. Под кроватью – тоже ничего. Нет, кое-что нашлось: джинсы, моя любимая белая рубашка, книжка «Все о сексе», апельсиновые корки.

– Мам, сейчас, погоди, не могу найти ручку...

– Я бы ее убила за такой бардак! Но ты же ей все позволяешь!..

Вот и не все, не все! Возьму и убью за такой бардак!

...Или не убивать? Вообще-то Мурка еще очень маленькая, а вокруг нее такой огромный мир с огромным количеством разных вещей... и как в таком случае я могу требовать, чтобы в ее комнате был полный порядок? Наука считает, что у чересчур аккуратного подростка обычно не все в порядке с психикой, комплексы там всякие, то, се...

...Та-ак, на моей белой рубашечке апельсиновые пятна...

Понятно, почему она ее тут прячет.

Ящик тумбочки у кровати – последняя надежда. Я открыла ящик, а там – ПРЕЗЕРВАТИВЫ. Сердце бухнуло в коленку.

– Мам, я перезвоню.

Видимо, у меня был такой убитый голос, что мама мгновенно начала истерически кричать:

– Что?! Что случилось?! Что?! Что?!

– Ногу свело. Перезвоню.

Я сидела и тупо разглядывала зеленые глянцевые упаковки. На каждой упаковке нарисован огромный динозавр. Это что, намек?

ВСЕ! Я УПУСТИЛА СВОЕГО РЕБЕНКА. Нужно было ее наказывать, щипать, бить и обижать! Можно было бить свернутой в трубочку газетой – не больно, но обидно. Мне советовали наказывать газетой Льва Евгеньича, когда он был маленький, но я не хотела унижать его достоинство.

Я плакала, сидя на Муриной кровати, немножко даже подвывала:

– О-о-о! В пятнадцать лет! Что же мне теперь делать?! О-о-о! Пятнадцать лет!

Перед моим внутренним взором возникла моя дочь Мура, почему-то в лохмотьях и с младенцем на руках. Без кандидатского диплома, без диплома о высшем образовании и даже, кажется, без школьного аттестата. Это я во всем вино-

вата! А кто же еще?! Я развелась с Денисом, и ребенок растет без отца. Был бы отец, он бы ей показал!.. На секунду перестала плакать, задумалась, – интересно, что бы такое мог показать Денис?..

Хлопнула дверь в прихожей. Мура пришла! Так, спокойно, я же психолог. Необходимо собраться и умно повести разговор.

Но как, как?! Рыдать и умолять больше так не делать? Пообещать купить белое пальто из «Манго», которое она запрашивает с лета? Но она и так настоящий пальтовый маньяк – у нее есть пальто длинное черное в крапинку, короткое песочное, еще полудлинное розовое... К тому же белое пальто очень непрактично... Что же мне делать, что?!

– Ты чего воешь на всю квартиру? Песни поешь, что ли? И почему именно на моей Куче?

Я молча, исполненным достоинства и горечи жестом указала на зеленые упаковки в открытом ящике тумбочки.

– А что тебе не нравится? – удивилась Мура. – Хочешь, я тебе тоже дам. Мне что, жалко, что ли?

Вот это да! Я просто прийти в себя не могла! Моя дочь испорченный подросток, а я – мать-преступница! И с работы меня надо выгнать, я не имею права оказывать другим психологическую помощь...

– У тебя что, тоже комары завелись? Ты же говорила, что в твоей комнате комаров нет. Сама запихнула ребенка в одну комнату с комарами, и сама обижаешься.

Искоса рассмотрела зеленые пакетики. «Рап-тор. Новая формула». Ура-ура, действительно пластины от комаров!! Не сразу поверила своему счастью. А на вид вылитые презервативы! Такие... с фруктовым запахом.

Теперь главное – не растеряться.

– Мура! С этой минуты я ввожу новое наказание! – (звучит глуповато, как будто у нас в семье уже имеется приличный набор наказаний – не очень старое, старое и очень старое) – Я не разговариваю с тобой за беспорядок в комнате час... нет, двадцать минут. За покраденную белую рубашку я не разговариваю с тобой еще двадцать минут (все вместе сорок минут – по-моему, по-божески).

– А можно пятьдесят минут с перерывом на рекламу? Хоть сериал спокойно посмотрю. Ладно, мамочка, только не надо делать вид, что это не ты, а настоящая мать!

Я пробиралась к выходу по свежепротоптанной тропке между джинсами и свитерами, а Мура продолжала меня воспитывать.

– Все матери как матери. Посмотри на Ирку-хомяка, просто загляденье! В длинном пальто, сверху покрашенные губы, снизу каблуки. – Мурка показала руками, где у настоящих матерей верх, а где низ. – А ты! Стоишь тут в солдатских ботинках и клетчатых штанах до колен. Ты небось и в университет так ходила?

– Нет, ну не то чтобы... – увильнула я от ответа. – Но,

коварная Мурка, ты же сама сказала, что это чудные штаны и в них можно всюду пойти!..

– Всюду, где нет людей!

– Мура-дура.

Я чувствовала себя очень счастливой, – у нас с Мурой все идет как надо, у меня Роман, а у Муры нет презервативов!!!

Вечером позвонила Ольга. Мы не разговаривали несколько дней, потому что Ольга была на двух пресс-показах, потом делала репортаж на «Ленфильме», потом посещала Лежачего. Собирается на фестиваль от своего глянцевого журнала, радуется жизни, несмотря на то что никогда не была замужем!!!

Причины того, что Ольга не замужем:

1. Потому что киножурналистка хочет выйти замуж только за актера или режиссера.

2. Актеры кино все глуповатые или голубоватые (Ольге лучше знать).

3. Режиссеров мало и на всех не хватает. (У некоторых людей вообще такая планида, что им лучше не стоять в очереди. Например, когда-то давно, еще в университете, мы с Ольгой стояли в очереди за чудными югославскими колготками, так вот – именно на нас колготки закончились, а что уж говорить о режиссерах! Не удивляюсь, что Ольге не хватило.)

Сегодня Ольга была так довольна жизнью, что даже пыталась нарушить наши две договоренности. Первая – не пересказывать мне сюжеты фильмов, которые она смотрит, пото-

му что она журналистка и смотреть кино – ее работа, а я – зритель и не очень-то люблю кино. Вторая договоренность – не говорить мне про Лежачего больше десяти минут подряд.

Так вот, Ольга опять перечислила все преимущества работы в модном глянцевом журнале и преимущества своего Лежачего.

Преимущества работы:

1. Очень приличная зарплата.
2. Гонорары за отдельные материалы.
3. В редакцию можно являться к часу дня, а то и вообще не приходиться.

Преимущества Лежачего:

1. Гений (прямо сейчас творит гениальное произведение – новое слово в области литературы, музыки и геополитики).
2. Возможно, очень скоро встанет (Лежачий не выходит из дому уже много лет, потому что творит и потому что всегда находится какая-нибудь дура, которая приносит ему на дом еду и сигареты. Для меня загадка – что он может предложить в ответ. Секс? Но для этого все же необходимо хоть немного привстать с дивана... Со стороны Лежачего совсем неглупо вести душевительные беседы в обмен на продукты питания и сигареты: секс нужен не всем женщинам, зато всем хочется, чтобы их внимательно выслушали или хотя бы сделали вид).
3. И начнет зарабатывать много денег режиссурой разных театральных проектов (не понимаю, почему именно режис-

сурой, – ведь у Лежачего нет никакого высшего образования и куда-то потерялся школьный аттестат).

4. Очень тонкая душа, которой Лежачий исключительно хорошо понимает Ольгу.

Я тактичный человек, поэтому не стала навязывать Ольге свое мнение о Лежачем, только спросила, что именно дают ей эти странные отношения. Может быть, чувство защищенности и уверенности в будущем? Ольга многозначительно проговорила, что я ничего не понимаю и Лежачий дает ей ДРУГОЕ. Что?

18 сентября, четверг

Утром проснулась с неприятным ощущением, что непременно должна сделать что-то по хозяйству, чтобы больше к этому уже не возвращаться. С трудом вспомнила, что именно, – решить вопрос с деньгами. Что мне делать – работать и зарабатывать или отобрать и поделить?

1. Работать и зарабатывать. Работать и зарабатывать?

Зарплата за сентябрь будет только восьмого октября, шесть тысяч рублей.

Что еще насчет работать и зарабатывать?

Я очень надеюсь на консультирование. После того как люди соберут урожай на своих дачных участках, они обнаружат, что у них поднакопилось проблем, и начнут искать психолога, то есть меня. Только пусть у них будут не особенно сложные проблемы, потому что, во-первых, я от всей души желаю им всего самого наилучшего, а во-вторых, боюсь, что со сложными проблемами я не справлюсь.

2. Отобрать и поделить. Отобрать и поделить?.. Отобрать я имею в виду у Дениса, поделить тоже между мной и Денисом. У нас с ним чудные отношения, пока дело не доходит до денег, то есть алиментов.

Какое мерзкое слово «алименты»! Лучше буду называть эти его двести долларов... ну, например, «вспомоществование».

Долго не могла дозвониться Денису, а когда наконец линия освободилась, повесила трубку. А вдруг к телефону подойдет Алла? Почему-то не хочу с ней разговаривать, когда собираюсь просить у Дениса денег. В остальное время, свободное от выпрашивания, мы с ней подружки.

Но с другой стороны, почему я должна ее бояться? В смысле денег. Я же не для себя, и вообще, он обязан.

Лучше я позвоню Денису на мобильный.

– Денис, привет, это я!

– Слышу, что ты. Привет. – Голос нерадостный. Откуда он знает, что я звоню не просто поболтать?

– Ты забыл про деньги за июль и август. И за сентябрь бы тоже неплохо.

– Сегодня только восемнадцатое сентября.

– А зато август уже закончился, и июль тоже, – скромно напомнила я.

– Я, между прочим, живу в Германии, а не на соседней улице! Мне каждый раз надо просить, чтобы кто-нибудь передал!.. – Сейчас он небрежно переведет разговор на что-нибудь другое. – А как вообще дела? Как Мурка? Машина то ездит?

Рассказала про Мурын портфель, новый двор, отваливающуюся дверь в машине. И вскользь, как бы между прочим, напомнила:

– Так ты не забудь про деньги. И за сентябрь тоже. – Теперь надо прикрикнуть: – Денис! Ты меня слышишь?!

Почувствовала, как от моего окрика Денис подобрался. Хорошо бы он придерживался этой привычки еще лет десять, пока Мурка не станет сама себя содержать. Или, по крайней мере, не начнет сама для себя просить.

– Откуда у меня такие деньги? За три месяца сразу? – меланхолично задал вопрос Денис. – Ты что думаешь, я миллионер? Может быть, ты считаешь, что моя квартира в дорогом районе ничего мне не стоит? Или два «мерседеса» – их, по-твоему, мне даром дали? А отдохнуть в пятизвездочном отеле надо человеку три раза в год или нет?! А у нас с Аллой вся одежда, даже домашние тапки от Версаче. Ты хоть представляешь, сколько это стоит?!

Когда Денис рассказывает про свои горести, я могу думать о своем. Главное, не забыть громко сочувственно вздохнуть. Спросила только:

– Может быть, тапки можно не от Версаче? Давай я здесь куплю Алле тапочки из овечьей шерсти, очень хорошенькие... все экономия...

– Ты не понимаешь, – с ласковой безысходностью сказал Денис, – мы с Аллой обязательно должны быть в тапках от Версаче, иначе все решат, что у меня плохо идут дела...

Я опять вздохнула и сказала, что понимаю.

– Ничего, – с надеждой в голосе проговорил Денис, – когда-нибудь Мура выучится, начнет много зарабатывать и сама будет меня содержать.

– Не хочу тебя расстраивать, но у нее свои планы. –

Неприятная часть разговора была закончена, и я уже приободрилась. – Мурка сказала, что будет долго учиться, очень очень долго. После института – аспирантура, потом докторантура, потом профессорантура...

Денис вздохнул. Он знает, что его дочь Мура на все пойдет, чтобы не работать, даже на то, чтобы еще лет десять обучаться первым попавшимся наукам.

...Денис вовсе не жадина-говядина, а наоборот, очень щедрый человек – ему ничего не жалко для себя, а когда мы жили вместе, ему было ничего не жалко для меня. Он мог потратить последние деньги мне на кофточки и тут же, абсолютно счастливый, присматривал мне к этим кофточкам новые юбочки. Потому что мои новые кофточки и юбочки были у него «для себя». А теперь у него «для себя» Алла в тапках от Версаче, Муру он любит и гордится, но уже все, она – не «для себя». Мурка – вынужденная статья расходов, вроде счетов за свет и телефон. Платить не хочется, но и сидеть в темноте без телефона тоже не вариант.

Но ведь и я отнюдь не образец бездумной щедрости, сметающей на своем пути все преграды здравого смысла, – например, ужасно жадничаю на книги. Когда кто-нибудь просит почитать мою книгу, я прежде всего делаю вид, что не расслышала, потом говорю, что я точно знаю – эта книга потерялась. Если же все-таки приходится отдавать свою книгу в чужие руки, то я моментально забываю всякие прили-

чия и начинаю причитать: «Жалко мне книжечку мою, ой как жалко!» В общем, у меня самой по части жадности рыльце в пушку.

Денис же не виноват, что у него Мурка не для себя... Придется мне просить ласково. Ничего, на то я и мать: попросишь-попросишь – и выпросишь.

Денис еще раз вздохнул, особым интимным вздохом. Сейчас начнет жаловаться на Германию.

– Как же мне осточертела эта Германия! Тоска, общаться не с кем. Твердо решили – вернемся в Питер.

Денис с Аллой, как чеховские сестры, вечно стонут – в Москву, в Москву (то есть в Питер)!.. Потому что у нас в Питере театры и вся необходимая им остальная культура. Например, Донцову и Устинову можно купить сразу же, как только они выходят, а так им приходится ждать, пока я пришлю. Женька вот тоже подвывает, что в Германии ужасно скучно, а в плохие минуты кричит – к черту Германию, вернись домой! Никто не вернется.

Когда Женька переехала в Германию, я решила, что и мне надо, и стала приставать к Денису, что мы должны уехать, ради ребенка Муры, и так далее по списку, что в таких случаях говорят. Он кричал мне, тоже по списку, – что в его пожилые годы за тридцать нечего делать в чужой стране и что он не намерен все начинать с нуля ради моих нездоров-

вых отношений с Женькой. Не в смысле, что мы лесбиянки, а в смысле, что такие большие девочки, как мы, должны научиться жить в разных странах.

А потом, в результате череды очень сложных драматических событий, которые я сейчас толком не могу припомнить, Денис уехал в Германию, а мы с Мурой остались в Питере. Денис считает, что это я его бросила. То ли отказалась с ним уехать, то ли, наоборот, отказалась остаться в Питере.

Зато из Германии дешево звонить, и Женька звонит по несколько раз в день – то мне, то Мурке. А мы с Мурой частенько гостим у нее и объездили уже все окрестные страны на маленьком дешевом автобусе. Есть такие туры – «Вся Европа за сорок минут», чудная вещь, если у кого мало денег и длинный любопытный нос, который он хочет сунуть в каждый встречный замок или собор.

– Алле привет передай. Пусть позвонит мне вечером. Пока, целую.

Алла и без моего приглашения позвонит. У нее, кроме меня, подруг нет. Алла давно живет в Германии, всех питерских подруг давно потеряла, а новых не нажила. Эмиграция – жуткое дело в смысле дружбы, потому что взрослым людям непросто подружиться, а поссориться почему-то, наоборот, очень легко. Вот ей и приходится дружить с кем попало, даже с первой женой своего мужа. Я с ней тоже дружу, и мы

всей семьей – с Муркой, Денисом и Аллой – вместе веселились в НЕЧЕЛОВЕЧЕСКОМ УЖАСЕ – Диснейленде.

Именно там, в Диснейленде, у меня и открылись на нее глаза – вовсе Алла не мой родственник, как я привыкла считать, а скорее друг или даже просто хороший знакомый...

В Диснейленде Алла затащила меня в какой-то поезд, который уходил в небо, хитростью усадила в кабинку и сказала – не бойся, здесь совсем не страшно. А я же вижу и нюхаю – здесь уже кого-то до меня тошнило, и понимаю, что надо спастись. И тут кабинка ка-ак поскакала по горам, ка-ак заухала жутким воем! Я поняла, что кричать бессмысленно, – все равно не спастись, поэтому я заплакала. Когда мы приземлились, Алле пришлось вызывать местного врача, чтобы он вынул меня из этой чертовой карусели и уговорил открыть глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.